

Архангельская А. С.
НЕИЩЕРПАЕМОСТЬ ИЩОЛКОВАНИЙ – ПОИЩ
ПОДХОДОВ К МНОГОМЕРНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

«О, невыносимая свобода воли, когда человек блуждает в критериях, идеях и ценностях мира сего...»
Георгий Гачев [1]

«все политически-философские размышления проходят мимо более глубокого смысла «Легенды». Этот смысл заложен в области чисто духовного. Он раскрывает перед нами некую извечную проблематику человеческого духа»
С.Франк [2,3].

Парадоксальность ситуации, в которую невольно попадает автор, осмелившийся замахнуться на одну из сложнейших и вот уж поистине проклятых проблем человеческих – о той цене, вернее, – расплате, которую платит Человек за обретение «невыносимой» свободы воли, в том и заключается, что богатейший «ассортимент», блестящая россыпь уже найденных ответов могут «ослепить» или рассредоточить внимание исследователя. А сокровища отечественной философской мысли лишь десятилетие назад оказались приоткрытыми, а потому до сих пор еще остаются неосвоенными.

Но в том то и дело, что парадокс этот, и вдохновляющий и взыскующий одновременно, ибо Вселенная внутри, (как и вне) нас не перестает скрывать тайны бесконечных загадок даже тогда и там, когда, кажется, ответы найдены, пути указаны.

«Утешаясь» подобным утверждением, размышляя о неисчерпаемости «материи» искусства вообще, а о завидной долговечности шедевров искусства человековедения, к которым мы относим прежде всего произведения гениев литературы в особенности, обратимся к последнему и самому философскому роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Одним из эпиграфов к этому опыту исследования все еще неисчерпанной проблемы, вернее гордиева узла человековедческих проблем послужила мысль Семена Людвиговича Франка в его статье «Легенда о Великом инквизиторе» – в сборнике, в котором собраны статьи шести русских религиозных мыслителей, посвященные анализу и размышлениям не только о самой этой знаменитой «Легенде», но и о широком круге религиозных, философских, аксиологических, исканий великого нашего соотечественника. Каким образом размышления о «Легенде», высказанные в конце XIX-го и начале XX-го века вдруг откликнулись в его завершении? Стоит ли удивляться, что «все уже было» сказано и предсказано?

Или обнаженный нерв (может быть, целый ком обнаженных нервов) современного бытия человеческого стимулирует (взывает!) поиск новых подходов хотя бы из сопоставительного анализа уже состоявшихся. В связи с этим не лишним будет заметить, что пересечение нитей исследования как антропологических, так и аксиологических проблем, начатое еще в 20-ых годах XX-го столетия, окончательно переплелось в тот самый гордиев узел в начале нашего века. Но рефлексия признанных философов того времени, когда жили, мыслили и страдали Достоевскому не только Соловьев, «оставшийся» в 19-ом веке, но и высланные из отечества Бердяев, Булгаков и Франк, оказывается сегодня не просто поучительной для просвещения сердец, но и поразительно адекватной нашим сегодняшним проблемам, ставших глобальными. И потому наши возможности (а, может быть, и Высшего Разума?...) могут быть испытаны на материале если не всего великого романа Федора Михайловича, то на притче, озвученной одним из братьев Карамазовых – Иваном, в образе которого – *atter ego* самого Достоевского. И

здесь, обращаясь вновь к мысли С.Л.Франка, мы начинаем с того, что «Легенда» Достоевского, вплетенная в фабулу его романа «Братья Карамазовы», принадлежит к тем великим символическим творениям духа, толкование которых, как, впрочем, толкование самой реальности, всегда останется спорным и в конечном итоге зависит от глубины и ширины духовного опыта читателя» [2, с.243-245]. Именно от глубины и широты их духовного опыта и зависели позиции великих читателей-философов по отношению к «Легенде», фабула которой, казалось бы, очень проста, а сегодняшним читателям, быть может, и неизвестна или полузабыта, потому как – кто же сегодня читает Достоевского?

Здесь мы позволим себе вновь обратиться к изложению Франка: «Христос является в своем земном облике в Севилье XVI века в период владычества испанской инквизиции, творит чудеса и приветствуется народом в трепетном страхе и ликовании. Престарелый Великий Инквизитор велит страже взять его на глазах у толпы, привыкшей к слепому повиновению, затем ночью навещает его в тюрьме и обращается, к нему с пространной речью... Конец сиены образует безмолвный поцелуй, которым Христос, слушавший Великого инквизитора с горестным состраданием, отвечает на его речь. Потрясенный Великий Инквизитор отворяет чудесному образу дверь из тюрьмы, но предупреждает Его никогда вновь не возвращаться. «Поцелуй горит на его сердце», но старик остается в прежней идее» [2].

Итак, если фабула очень проста, то содержание речи Великого Инквизитора отнюдь неоднозначно, и настолько многослойно, что сложность ее истолкования как раз и заключается в том, чтобы не увлечься поверхностной кажимостью. А первый, как бы лежащий на поверхности притчи слой заключается, казалось бы, в критике не только католической Церкви с ее утонченными и изощренными пытками Инквизиции, но и самого католического мировоззрения, как бы противопоставленного единственно истинному христианскому миропониманию, то есть, разумеется, православному. Известно, и не только из «Дневников писателя», что Достоевский относился к католицизму не без издержек полемики, то есть, критически, что нашло позже свое отражение в одной из лучших работ Ивана Ильина о католицизме и православии. Но более глубокий слой смысла или следующая мера его связаны с противопоставлением двух позиций. С одной стороны – христианская идея искупления, с другой – так называемая программа спасения человечества от трагизма нерешаемых проблем, изложенная Великим Инквизитором, но основанная на тех самых советах Сатаны, которые нашептаны были им Христу в пустыне в виде дьявольских искушений. Как известно, «страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия» предлагал прибегнуть к трем крайним средствам – «чуду, тайне и авторитету», дабы воздействовать на человечество и «признать могущество «хлеба» над массой». Искушение и заключалось в том, чтобы обрести спасение человеку и человечеству не в самостоятельном поиске – путем проб и ошибок, предоставив человеку ту самую «невыносимую» свободу воли, а наоборот, «сознавая слабость среднего человека», лишить его личной добровольной ответственности, а, следовательно, и осознания собственного достоинства, как личности. Но если среднему человеку это не под силу, тогда кто же взвалит на свои плечи полную меру ответственности за спасение человечества? Разумеется, избранные, как бы мы сейчас сказали, элита общества, а Достоевский, устами Великого Инквизитора – вожди, то есть, те самые, для кого главная цель – Власть, а «захват земной власти» – разве это не самое сильное искушение, перед которым бледнеют даже такие, как испытание деньгами и испытание славою?...

Помните строчку у Б. Пастернака: «Быть знаменитым некрасиво, не это поднимает высь», ее мог написать только искренне верующий человек, который и не стремился, и стеснялся славы и даже нашел в себе силы отказаться от Нобелевской премии..?

Обратимся же к тексту самого Достоевского, который, рассадив двух братьев – Ивана и Алешу за столик, в уютном углу отдельной комнаты трактира «Столичный город», заставил одного, не столько атеиста, сколь богоискателя, рассказывать с

вдохновением свою притчу-легенду, а другого – мечтательного и религиозного, любимого послушника старца Зосимы, слушать брата с недоумением, мукой и смущением. И так, старик великий инквизитор со светильником в руке глубокой «бездыханной севильской ночью» входит в темницу и спрашивает Христа:

«Это Ты? Ты?...Зачем же Ты пришел нам мешать? Ты ли это или только подобие Его, но завтра же осужу и сожгу Тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же, по одному моему мановению, бросится подгребать к твоему костру угли, знаешь Ты это?...» [4]. Проникновенное раздумье вслух не получило ответа, но он был, ибо Христос-то знал, что те же самые люди, кто с ликованием и умилением встречали его, они же и будут подгребать угли. Не так ли было по дороге на Голгофу?

Вот это трагическое и горестное осознание слабости природы человеческой, казалось, давно должно было бы убедить в тщетности попыток изменить ее и упований на силу человеческого духа, на победу в нем Добра над Злом, Благородства и Бескорыстия над суетностью и греховностью... Пожалуй, из перечня имен русских мыслителей более всего страниц, посвященных анализу «Легенды», принадлежит Василию Васильевичу Розанову. Как и почти все, о чем он писал, полно противоречий и амбивалентности, так и его оценка «недорисованной картины» Достоевского небесспорна, а упрек несправедлив. Здесь уместным нам представляется сослаться на мнение Николая Александровича Бердяева о самом Розанове: «В.В. Розанов – один из самых оригинальных людей, каких мне приходилось в жизни встречать. Это настоящий уникум. В нем были типические русские черты и вместе с тем он был ни на кого не похож. Мне всегда казалось, что он зародился в воображении Достоевского и что в нем было что-то похожее на Федора Павловича Карамазова, ставшего писателем» [5]. Посмотрим, как обнаруживаются очевидные противоречия в логике рассуждений Розанова (как бы Федора Павловича, папеньки братьев Карамазовых, ставшего писателем), который свои ожидания результатов творческой деятельности и жизненного подвига Достоевского выдает не как возможность, а как обязанное быть осуществленным, то есть действительным. Так он писал о задаче всей жизни Достоевского, которую, как считал Розанов, тот «только наметил, но не выполнил»: «но то, что стояло в преддверии к ней, выполнено им с широтой замысла и с глубиной понимания, которые не имеют себе ничего подобного как в нашей литературе, так и в других...умирая, всякая жизнь, представляющая собой соединение добра и зла, выделяет в себе, в чистом виде, как добро, так и зло. Именно последнее, которому конечно, предстоит погибнуть, но не ранее, как после упорной борьбы с добром, выражено с беспримерной силой в «Легенде» [5]. Подобный этому Розановскому уровню притязаний в свое время иронически был отмечен Чеховым в его известном письме к Суворину, где он как бы расставил все точки над «i»: что может искусство и что оно вовсе не обязано делать, а если и пытается, то, как правило, неудачно.

Так Пушкинская Татьяна в «Онегине» остается жить с нелюбимым, а Толстой, не зная, что делать с Анной Карениной, бросает ее под колеса поезда. Это ли не примеры неудачных концовок даже у гениев литературы? Обращаясь к своему другу и издателю А.С. Суворину, Чехов отмечает: «Требую от художника сознательного отношения к работе. Вы правы, но Вы смешиваете два понятия: решение вопроса и правильная постановка вопроса. Только второе обязательно для художника».

Тем самым Чехов справедливо подчеркивал, что искусство в отличие или раньше, чем наука и философия, способно поставить этическую проблему (мы бы сказали сейчас и аксиологическую), а уже решать ее оно не обязано, решать должны философы, ученые и сама жизнь общества. Отсюда следует, что нельзя ставить в упрек писателю, если он не представил нам ответов на «последние» и есть «проклятые», то есть вечные вопросы бытия человеческого, и мы благодарны и ему, и его комментаторам, в том числе и Розанову, что они подчеркнули особую обращенность к этим вопросам, присущую его соотечественникам. И действительно, если говорить о национальной традиции, то разве

только в трактирах, а и в кухонных разговорах-размышлизмах «за рюмкой чая» уже в наше время как продолжение того, что так метко отмечено в «Братьях Карамазовых», о чём говорят или, как выразился Фёдор Михайлович, «орудуют русские мальчишки»? «О мировых вопросах, не иначе, есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, – так, ведь, это один же сорт выйдет, всё те же вопросы, только с другого конца. И множество самых оригинальных мальчишек только и делают, что о вечных вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так?» [4, 5]. В.В. Розанов приводит этот отрывок из исповедальной речи Ивана во вступительном эпизоде к его «Легенде», и мы позволили себе это вслед ещё раз подчеркнуть поразительную адекватность сегодняшнему дню как самих «мировых вопросов», так и потаённых струн национального характера, почти всегда настроенных на интерес к этим мировым или «вековечным» вопросам. В какой-то мере именно это подчёркивал и Николай Бердяев в главе «Великий инквизитор из своей книги «Новое религиозное сознание и общественность»: «...тема знаменитой легенды гораздо шире, она универсальна, в ней дана целая философия истории и сокрыты глубочайшие пророчества о судьбе человечества... это не распря истины православия с ложью католичества, это несравненно более глубокое противоположение двух начал всемирной истории, двух метафизических сил» [6]. И далее Бердяев подчёркивает имманентную взаимообусловленность идеологии тоталитаризма – как религиозного, так и политического, государственного и духа Великого инквизитора, который незримо присутствует везде: «Где счастье предпочитается свободе, где временное становится выше вечности, где человеколюбие восстаёт против боголюбия – там Великий инквизитор. Где утверждают, что истина не нужна для счастья людей, где можно хорошо устроиться, не ведая смысла жизни, там – он» [6].

«не ведая смысла жизни! И библейский тезис «во многая знания – много печали», или – «многая мудрость – многие скорби» – в тексте царя Иудеи и проповедника Екклесиаста – перекликаются. Екклесиаст как бы предупреждает об опасности многознания, вернее, о той цене, которую за неё приходится платить – страданием, скорбью, печалью, даже если она светла. Одна из основных красных нитей, пронизывающих всё творчество Достоевского (вовсе не считавшего себя религиозным и даже восклицавшим не без горечи: «Как я завидую тем, кто верует, как я хотел бы верить, но, кажется, у меня нет того органа, которым веруют...»). И это восклицание принадлежит перу и сердцу автора самых пронзительно проникновенных строк о цене прогресса человечества и о слезе ребёнка, о страданиях невинных детских душ (см. часть четвёртую романа «Братья Карамазовы», кн. 10-я. – «Мальчишки». – ! через Страдание к Радости». Как совмещается эта нить с взаимосвязью Мудрости и Знания? Наверное, здесь может идти речь о взаимосвязи этих эмоций в любом творческом процессе, где человек реализует свои потенциальные задатки, тем самым проявляя и свободу своей творческой воли и обретая подлинный, а не мнимый смысл собственной жизни.

Не в этом ли вечное предназначение человека? Именно об этом Георгий Гачев, из очерка которого у нас обозначен первый эпиграф, развивая мысль Достоевского категорически, со свойственным ему темпераментом и щедростью в новациях словообразований заявляет: «...человек и его жизнь-путь есть Абсолютная ценность. Ни история, ни Общество, ни какое учение (социализм, например), ни Россия, ни Бог даже сам – не могут решаться выбирать за него, даже имея самые благие и разумные для человека идеи. Он не объект приложения внешних сил и энергий, а всё – в нём: и Христос, и бес» [1, с. 33]. Вот эта родовая черта не столько всечеловечества, сколь именно русского

национального характера «всё в нём: «Христос и бес» – всегда интересовала русских мыслителей, а среди них особенное место занимают речи Вл. Соловьёва о Достоевском, как и другие его работы, непосредственно посвященные русской идее. О двух чертах, особенно дорогих Достоевскому в русском народе, говорил Вл. Соловьёв в своей второй речи, посвященной памяти Достоевского. Первая, особенно выразившаяся в поэзии Пушкина, – «необыкновенная способность усваивать дух и идеи других народов» [7]. Вторую черту, ещё более важную, по-видимому, Соловьёв связывал с первой именно тем, что «Достоевский, говоря о России, не мог иметь в виду национального обособления. Напротив, всё назначение русского народа он полагал в служении истинному христианству, в нём же нет ни эллина, ни иудея» [7]. Вот это истинное христианство, заключённое «в духе Христовом – в духе любви и милосердия, подвига и самопожертвования», то есть, разумеется, выраженное во вселенской православной Церкви и выразилось более всего в той черте, присущей именно русскому народу, на которую указывал Достоевский: «сознание своей греховности, неспособность возводить своё несовершенство в закон и право и успокаиваться на нём: отсюда требование лучшей жизни, жажда очищения и подвига» [7]. Эта, если можно было бы так выразиться, пронзительная мощь постижения сути национального характера и сегодня, на самом краешке трагической трещины, разделяющей тысячелетия, оказывается ещё более своевременной и необходимой, чем сто лет назад.

Мы ясно отдаём себе отчёт, что задуманное нами сопоставление позиций русских религиозных мыслителей здесь лишь обозначено, но отнюдь не исчерпано, ведь нам удалось здесь лишь прикоснуться к некоторым из них. Предлагаемый здесь очерк лишь обзор, и постановка проблемы, которую мы считаем не просто своевременной, а давно ждущей своих вдумчивых исследователей [9]. Парадокс заключается и в том, что мы лучше, тоньше, глубже успели проникнуть в западную и восточную философии, а отечественная у нас в Золушках! А ведь там, говоря словами Ломоносова, «открылась бездна, звезд полна», русская религиозная, богоискательская, богоборческая и богостроительная мысль таит ещё в себе такие сокровища и их столько, что ещё долго они будут подпитывать философскую рефлексии как профессионалов, так и начинающих мыслителей.

Литература

1. Георгий Гачев. Русская душа. Портреты русских мыслителей. – М., 1991. – С.34.
2. Сборник о великом инквизиторе. Достоевский, Соловьёв, Розанов, Булгаков, Бердяев, Франк. – М., 1991.
3. Франк С.Л. Легенда о великом инквизиторе // Сборник о великом инквизиторе. Достоевский, Соловьёв, Розанов, Булгаков, Бердяев, Франк. – М., 1991. – С.243-245.
4. Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы». Собрание сочинений в 12-ти томах. - М.: Мир, 1982. – Т. 12, ч.4., кн. X, гл. V – «Мальчики».
5. Розанов В.В. О легенде «Великий инквизитор» // Сборник о великом инквизиторе. Достоевский, Соловьёв, Розанов, Булгаков, Бердяев, Франк. – М., 1991. – С.112.
6. Бердяев Н.А. Новое религиозное собрание и общественность – Спб., 1907, Гл.1.
7. Соловьёв В.С. Вторая речь памяти Достоевского (сказанная 1 февраля 1882 г.) // Сборник о великом инквизиторе. Достоевский, Соловьёв, Розанов, Булгаков, Бердяев, Франк. – М., 1991. – С.62-63.
8. Бердяев Н.А. Самопознание. – Л., 1991. – С.147.
9. Чехов А.П. Письмо к Суворову А.С. от 27 окт. 1889 г. // Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – Письма. - Т.3. – С.45-46.

10. Пастернак Б.Л. Избранное. – М., 1985. – С. 424.